АРХИМАНДРИТ АВГУСТИН (НИКИТИН),
доцент Санкт-Петербургской Духовной академии

РУССКАЯ БИБЛЕЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ПАЛЕСТИНЕ

1. Русские археологические исследования в Иерусалиме

В 1961 году в Западной Европе вышла книга Эриха Церена «Библейские холмы». Э. Церен дает в своей книге историю археологических исследований и открытий за последние полтора столетия во всех странах Ближнего и Среднего Востока. Но в перечне имен многих западноевропейских исследователей, внесших свой вклад в развитие библейской археологии, к сожалению, отсутствуют имена русских ученых. Автор предисловия к русскому изданию этой книги отечественный исследователь Д. П. Каллистов справедливо ставит вопрос: «Как же все-таки получилось, что из поля зрения несомненно хорошо эрудированного автора «Библейских холмов» начисто выпала не только целая плеяда русских археологов и востоковедов, развивавших энергичную деятельность еще с первой половины XIX века, но и такие их институты как Российское Археологическое Общество, Археологическая комиссия, Одесское Общество истории и древностей и другие?

Ведь все эти организации на протяжении многих десятков лет периодически выпускали свои «Отчеты», «Известия», «Труды» и «Записки», прекрасно известные тогдашним соотечественникам Э. Церена, которые иной раз и сами помещали в этих изданиях свои работы. И неужели Э. Церену неизвестны прославившиеся на весь мир восточные коллекции нашего Эрмитажа и ценнейшие собрания папирусов и других древнейших документов в наших библиотеках, возникшие не без участия русских ученых-востоковедов?[1]

А ведь более ста лет назад в России было создано Православное Палестинское Общество (1882), которое наряду с широкой благотворительной и просветительной деятельностью предприняло шаги по проведению археологических исследований в Палестине, увенчавшиеся блестящими результатами. Анализу деятельности Палестинского Общества в сфере библейской археологии и посвящена настоящая статья.

Как известно, интерес к Ближнему Востоку у европейских ученых пробудился сравнительно недавно. Военная экспедиция Наполеона Бонопарта в Египет, пригласившего туда и выдающихся ученых, заинтересовала этой сказочной страной весь ученый мир, а археологические раскопки, начавшиеся там в то же время (с 1798 года) и сопровождавшиеся изумительными результатами, после открытия ключа к чтению иероглифов породили целую науку – египтологию. За страной древних фараонов последовала и другая, некогда могущественная держава: в 1820-х годах были произведены первые попытки археологических раскопок в Месопотамии, а с 1840-х годов там уже начались методические раскопки, сопровождавшиеся не меньшими успехами, чем раскопки в Египте, и после создания метода чтения клинописи породившее новую науку – ассирологию. Но нужно было пройти еще немалому времени, чтобы археологический заступ коснулся земли древней Палестины. Библейская страна,

которая должна была быть во главе археологических изысканий, оказалась в конце их. По выражению одного известного ассиролога, откопав давным-давно из-под земли страну Гомера и Геродота, ученые лишь со второй половины XIX века начали откапывать и Библию.

До середины XIX века европейские паломники, посещавшие Палестину, описывали лишь те ее достопримечательности, которые сохранились на поверхности или неглубоко под землей и соответствовали библейскому повествованию, либо считались таковыми. Интересно отметить, что русский писатель Н. В. Гоголь, посетивший Ближний Восток в 1849 году, также пытался следовать традиционному методу, о чем он писал в письме к В. А. Жуковскому: «Что могу сказать я, чего бы не сказали уже другие? Какие краски, какие черты представлю, когда всё уже пересказано, перерисовано со всеми малейшими подробностями? Да и к чему эти бедные черты, когда всякое событие евангельское и без того уже обстанавливается в уме христианина такими окрестностями, которые гораздо ближе дают чувствовать минувшее время, чем все ныне видимые местности, обнаженные, мертвые?»[2]

Усилившийся приток русских паломников в Святую Землю вызвал к жизни появление в Палестине двух учреждений: Русской Духовной Миссии (1847) и Православного Палестинского Общества (1882). Со временем эти русские учреждения в результате целенаправленных и энергичных действий своих руководителей стали владельцами земельных участков как в Иерусалиме, так и в других частях Палестины, и притом как раз в местах, насыщенных в археологическом отношении, где были найдены исторические памятники первостепенной важности.

Согласно 1-му параграфу Устава Православного Палестинского Общества, учрежденного в 1882 году «с исключительно ученой и благотворительной целями», оно поставило одной из самых главных задач «собирать, разрабатывать и распространять в России сведения о святых местах Востока». Соответственно этой задаче в Обществе был создан специальный отдел «учёных исследований и изданий», сотрудники которого предприняли первые опыты русских раскопок в Палестине и восполнили существенный пробел в русской археологической деятельности на Ближнем Востоке, взяв на себя дело исследования и изучения палестинских древностей.

Следует упомянуть о деятельности русских представителей в Палестине, которые своевременно приобрели земельные участки в Иерусалиме и этим самым подготовили основу для проведения здесь в дальнейшем археологических раскопок. В марте 1859 года первый русский консул в Иерусалиме В. И. Дорогобужинов приобрел участок в 140 квадратных сажен и террасу вдоль развалин церкви Санта Мария Латина.

Этот участок, принадлежавший ранее коптскому монастырю, был куплен для возведения здесь дома консула. В 1860 году было решено консульский дом строить на приобретенном большом участке на Мейданской площади. Таким образом, участок остался свободным и представлял собой пустырь, покрытый мусором, из которого выдавались остатки каких-то развалин. Следует отметить, что еще в 1840-х годах прусский консул Шульц открыл на этом месте остовы трех колонн, торчавших из-под земли, а также выступ в виде пилястра[3].

В том же 1859 году по распоряжению В. И. Дорогобужинова были произведены пробные раскопки всего приобретенного участка и очистка его от пятисаженного пласта мусора. В июле 1859 года была приобретена дополнительная территория, и русский участок был таким образом расширен. В 1859–1861 годах постоянно велась очистка этого места, был снят и вывезен громадный пласт культурного слоя; при

этом были открыты остатки древних стен и византийские арки. Открытие этих интересных остатков древности побудило В. И. Дорогобужинова в феврале 1861 года представить русскому правительству подробную записку с ходатайством о необходимости приобрести дополнительные земельные участки, примыкающие к русскому месту, причем указывалось на важное археологическое значение этого места и на возможность открытия остатков атриума, портиков и пропилеев построенной по приказу императора Константина базилики. Это ходатайство было удовлетворено, и в 1863 году часть указанных мест была приобретена Россией.

Русские представители в Палестине не считали, что им принадлежит монополия на археологические исследования в недрах приобретенного ими земельного участка. Уже в то время ученые разных стран осознавали необходимость международного характера исследований Святой Земли. Поэтому владельцы русского участка в Иерусалиме разрешали иностранным археологам производить раскопки на территории, находящейся в пользовании Русской Духовной Миссии. В 1864 году французский ученый Вогюэ и в 1865 году английский палестиновед и археолог Вильсон проводили раскопки на русском участке, но затем по разным причинам раскопки были прекращены и само место снова было засыпано землей[4]. Результаты исследований Вогюэ и Вильсона были опубликованы Кондером, руководившим по поручению английского Палестинского Общества топографическими съемками в Иерусалиме[5].

Трудное дело не было доведено до конца, но тем не менее в результате раскопок были найдены остовы колонн, остаток стены с пилястром, угол с выступом древней стены, развалины арки и несколько бесформенных остатков древней кладки.

В 1873–1874 годах в Палестине по поручению английского Палестинского Общества работал К. Клермон Ганно. Летом 1874 года он производил археологические исследования на русском месте в Иерусалиме.

Об этих раскопках Клермон Ганно писал впоследствии: «Русский консул и архимандрит Антонин (Капустин) любезно предоставили мне необходимое дозволение; здесь во всяком случае я находился вне прямого или косвенного вмешательства местных властей. <....> Несколько лет тому назад (1864) К. Вильсон прорытием нескольких траншей положил начало раскопкам на этом месте, которое одинаково интересует как изучающих топографию города, так и археологов, но он не был в состоянии продолжить их»[6].

Русский профессор А. А. Олесницкий, который находился в Иерусалиме в то же время, когда Клермон Ганно производил раскопки, упоминает о них лишь мимоходом, связывая их с византийскими воротами, и присовокупляет, что они были расчищены Клермоном Ганно, «но без определенных результатов»[7].

Ученым не было ясно, какую связь имели между собой эти остатки, к каким древним сооружениям они должны быть отнесены. Эти вопросы, несмотря на всю их важность, не могли быть решены удовлетворительно из-за недостаточности предварительных исследований. Разрешение их и было предпринято Православным Палестинским Обществом.

В качестве гипотезы иностранные палестиноведы высказывали предположение о связи остатков древних колонн с базиликой императора Константина, построенной по его распоряжению при Гробе Спасителя, а остатки найденных стен – со второй Иерусалимской стеной. В связи с этим Палестинское Общество, приняв решение возобновить и расширить раскопки на русском участке, поставило на разрешение два вопроса: 1) разъяснить план Константиновских сооружений на месте смерти и Воскресения Господа нашего Иисуса Христа и 2) отысканием направления второй

городской стены Иерусалима подтвердить подлинность чествуемой всем христианским миром пещеры, служившей погребальным ложем Бессмертному[8].

Итак, самую главную часть всех производившихся на русском участке раскопок было предназначено сделать русским исследователям во главе с начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином (Капустиным). Архимандрит Антонин прибыл в Иерусалим 11 сентября 1865 года и с первых дней своего пребывания в Святой Земле уделял большое внимание научным исследованиям, связанным с библейской археологией. Но, к сожалению, его деятельность всегда встречала целый ряд затруднений и требовала с его стороны большой затраты энергии и громадного напряжения физических и духовных сил. К раскопкам на русском месте он смог приступить лишь в марте 1883 года, когда на это был получен фирман от турецкого правительства.

В Иерусалиме архимандрит Антонин познакомился с местным палестиноведом Конрадом Шиком и, зная о его глубоких познаниях в области топографии Иерусалима, привлек его к осуществлению археологических исследований, составлению планов и снимков раскопок.

Конрад Шик родился в Вюртемберге в крестьянской семье и в 1845 году в числе других четырех молодых людей был послан в Иерусалим Базельским Обществом в качестве ремесленника-миссионера, поскольку по профессии он был столяр. Постепенно К. Шик начал изучать археологию и его специальностью стал подземный Иерусалим, который он, как городской архитектор, а затем непременный участник всех научных или строительных раскопок, знал как, очевидно, никто. Ему многими услугами обязано и Палестинское Общество и, прежде всего, научной обработкой произведенных Обществом раскопок на русском участке. Он скончался в 1900 году в 80-летнем возрасте[9].

Для производства раскопок архимандрит Антонин нанял на поденную работу жителей пригородного селения Силоама, и 7 марта, в понедельник, на 2-й седмице Великого поста, начался вывоз земли с исследуемого участка. Для транспортировки земли за пределы участка использовалось до 20 ослов, на которых навьючивали перекидные мешки: «Вывозим землю на ослах за город, через Дамасские ворота, – писал архимандрит Антонин, – а камни сваливаем тут же по углам кое-где, находя затруднительным и излишним вывозить их с места»[10]. По подсчетам архимандрита Антонина, «главной статьей расходов был вывоз с места за город мусорной земли, представивший в общности громадную цифру 13.100 ослиных вьюков»[11].

Следует отметить, что работа производилась в жаркое время года, и можно легко представить себе те испытания, которые выпали на долю всех тружеников, занятых на раскопках. Но если летняя жара затрудняла работы, то впоследствии зимние дожди и бури совершенно не позволяли производить их. «Зимние непогоды в январе месяце, – писал архимандрит Антонин в отчете Православному Палестинскому Обществу, – препятствовали мне предпринять что-либо более существенное. <...> Открыть работы мне не позволяло все то же холодное и дождливое состояние погоды»[12].

Трудности встречались в работе ежедневно, усугубляясь по мере углубления работ в землю. Архимандрит Антонин писал по этому поводу: «Работа на сем месте представлялась затем опасной: совсем неожиданно могли обрушиться и передняя закладка с еще держащимися арками, и тераса, и стенка, держащая колонну, а за ней и весь накрытый еще уцелевшей аркой пролет»[13].

Необходимо подчеркнуть, что материальные затруднения, связанные с раскопками, не позволили архимандриту Антонину провести их в бóльшем масштабе;

кроме того, ограниченность пространства, предназначенного для исследования, не позволяла привлекать к работе более 12–14 человек (для сравнения можно упомянуть о том, что у профессора Зеллина при раскопках Иерихона было занято около 200 человек, а у прфессора Лайона при раскопках Самарии в 1908 году – до 400 человек[14]. Тем не менее результаты раскопок были блестящими и привлекли внимание выдающихся отечественных и зарубежных палестиноведов.

Одним из важных открытий, сделанных архимандритом Антонином при раскопках, было обнаружение остатков древней стены, что помогло по-новому и более правильно понять евангельское повествование о распятии и погребении Спасителя. Дело в том, что величайшая христианская святыня – Гроб Господень находится в настоящее время внутри стен Иерусалима, между тем как, согласно Священному Писанию, тело Богочеловека было положено по иудейскому обычаю *вне врат* (Ин. 19, 20; Евр. 13, 12), поскольку на основании Ветхого Завета нельзя было устраивать кладбище в черте города.

Как известно, в Священном Писании Ветхого Завета о возведении первой Иерусалимской стены говорится следующее: «...Давид взял крепость Сион: это – город Давидов» (2 Цар. 5, 7). «И поселился Давид в крепости, и назвал ее городом Давидовым, и обстроил кругом от Милло и внутри» (2 Цар. 5, 9). К этим кратким сообщениям историк I века Иосиф Флавий добавляет, что Давид первым из царей иудейских окружил Иерусалим стеной.

Эта первая стена Давида просуществовала около 250 лет. Обрушившаяся в течение этого долгого времени и также вследствие войн, которые довелось перенести Иерусалиму, эта стена была исправлена и восстановлена при царе Езекии (728–699 до Р.Х.). Она простояла еще более ста лет – до 587 года, когда Навуходоносор, царь вавилонский, завоевав Иудею и Иерусалим, все предал разрушению и опустошению и увел евреев в плен вместе с царем их Иехонией. В 536 году до Р.Х. персидский царь Кир разрешил пленным иудеям вернуться на родину и восстановить разрушенный Иерусалим. Но новую стену им было разрешено возвести только в 445 году до Р.Х. при персидском царе Артаксерксе, который по ходатайству своего приближенного Неемии не только дал на это разрешение, но и предоставил для этого необходимые строительные материалы, о чем подробно повествуется в книге Неемии (гл. 2).

После возведения второй Иерусалимской стены при Неемии и до Пришествия на землю Спасителя вокруг Иерусалима никакой другой внешней стены не сооружалось[15]. Таким образом, просуществовав от сооружения при Неемии более 400 лет, эта стена находилась в Иерусалиме во дни Господа Иисуса Христа. И хотя во дни Спасителя в Иерусалиме было несколько внутренних стен, но внешняя стена была одна, а именно – вторая, построенная при Неемии.

Спустя 40 лет после Рождества Христова и 7 лет после Его Вознесения, иудейский царь Ирод Агриппа I, желая ввести в черту города Иерусалима предместье Везефу, расположенное к северу от внешних городских стен времен Неемии, построил третью Иерусалимскую стену. Нет никакого сомнения, что при возведении третьей стены в городскую черту вошли предместье Везефа и те места, где был распят, погребен и воскрес Господь Иисус Христос и которые до того времени находились вне городской черты.

В 70 году по Р.Х. римляне под предводительством Тита, сына римского императора Веспасиана, разрушили Иерусалим, его храм и стены до основания. Культурный слой, накопившийся почти за две тысячи лет, спрятал под собой следы второй стены, оставшейся после разрушения Титом Иерусалима. Что касается нынешней

Иерусалимской стены, то она была построена, как гласит об этом надпись на Яффских воротах, лишь между 1534 и 1542 годами при султане Сулеймане, причем Голгофа и Гроб Господень вторично вошли в черту новой городской стены[16].

Открытие фрагмента второй Иерусалимской стены явилось блестящим результатом, имеющим важное значение для библейской археологии и сделавшим честь Православному Палестинскому Обществу. Едва ли нужно пояснять важность определения местности, по которой проходила вторая стена Иерусалима. Ранее некоторые западные палестиноведы считали, что она проходила севернее храма Воскресения, вследствие чего уже во времена земной жизни Спасителя нынешние Гроб и Голгофа должны были находиться внутри тогдашнего Иерусалима и, следовательно, не могли считаться подлинными.

По прямому смыслу евангельского повествования о крестной смерти Спасителя оказывалось, что Голгофа и место погребения Христа находились вне городских стен, но недалеко от ворот, потому что у Голгофы было много *мимоходящих*. Поэтому отождествление современной Голгофы с древней было возможно лишь тогда, когда можно было бы доказать, что она находилась вне пределов второй стены. До открытия, сделанного под эгидой Палестинского Общества, этот вопрос можно было решать и в отрицательном смысле, то есть предполагать, что современная Голгофа не есть евангельская.

Раскопки, проведенные архимандритом Антонином, опровергли это мнение. Открытие и исследование истинного направления второй стены вскоре подтвердились изысканиями архитектора К. Шика, более 40 лет изучавшего топографию Иерусалима. Результаты раскопок на русском участке Иерусалима были подробно изложены архимандритом Антонином и К. Шиком и составили 7-й выпуск сборника Православного Палестинского Общества.

Выдающееся открытие в области библейской археологии, сделанное архимандритом Антонином, было тогда же отмечено иностранными учеными. Так, например, в журнале «Ля Терре Санте» (Святая Земля) (15 октября 1884. № 223. С. 1004–1009) появилась статья аббата П. Монике, посвященная этому открытию. Этот отзыв имеет особое значение, поскольку он был написан одним из представителей Римско-Католической Церкви, которые в те времена признавали в Палестине подлинность святынь, находящихся только в их владении. В статье «Подлинность Святого Гроба. Открытие второй стены Иосифа» аббат писал, в частности: «В местности, лежащей на восток от Святого Гроба и принадлежащей России, уже давно указывали на особенно замечательные развалины, которые были двух родов: часть стены еврейского происхождения и остатки двух арок римского времени. С 1858 года Пиеротти, инженер на службе турецкого правительства, считал уже часть стены остатком второй стены города. После него (в 1862 году) граф де Вогюэ, раскопав её несколько более, признал в ней то же самое происхождение. В 1864 году капитан Вильсон в свою очередь исследовал эти развалины, но предполагал в них остатки церкви».

Далее аббат П. Монике продолжал: «Очень любопытно было бы проследить стены города по ту сторону русского места, но абиссинцы, владеющие этой местностью, слишком бедны для предпринятия археологических раскопок и не очень интересуются подобными вопросами, даже когда с ними связана религиозная задача. Сверх того, эти изыскания очень обеспокоили бы владельцев, так как могли бы быть произведены только через церковь абиссинцев, дом коптского епископа и монастырь св. Авраама. Это было бы, однако, самым верным средством удостовериться, идет ли городская стена в одном направлении со стеной, открытой на русском месте,

или поворачивает на юг. В первом случае она проходила бы мимо самой Голгофской скалы, отстоя от нее едва на несколько метров, во втором – уклон от неё должен быть значителен, так как по Евангелию от Иоанна мы знаем, что с вершины городских стен можно было читать надпись, прибитую на Кресте. Слова Евангелия точны и не могут быть поняты в ином смысле: *Сего же титла,* – говорит он, – *мнози чтоша от иудей, яко близ бе место града, идеже пропяша Иисуса...* (Ин. 19, 20).

Наконец, обстоятельство это подтверждается еще словами святого апостола Павла, который говорит, что Господь претерпел смерть *вне врат* (Евр. 13, 12)». Заканчивая свои рассуждения, аббат Монике писал: «Я видел, что архимандрит (Антонин. – *Авт.*) снимал различные фотографические виды этих развалин, предоставлял свободный к ним доступ посетителям, осведомлялся об их мнении и поручил знатоку определить значение этих развалин. Следует радоваться, что развалины эти достались в руки самых честных и самых ученых православных в Иерусалиме»[17].

Помимо открытия остатков второй Иерусалимской стены архимандрит Антонин обнаружил в одной из ее частей врата, современные сооружению стены. Вот что писал архимандрит Антонин по поводу порога этих врат: «Порог их состоит из двух громадных плит, весьма потертых и как бы вылощенных от долговременной ходьбы по ним. Линия больших дверных створок видна совершенно отчетливо, означенная выбоиной в камне с двумя по краям ямками неровной величины для утверждения пят бывших створчатых дверей. Середина порога, именно в месте соединения плит, несмотря на то, что глубоко выбита стопами людскими, представляет в себе очерк четвероугольной ямки, в которой утверждался дверной засов, когда ворота были наполовину или совсем запертыми. После того как ямка была не в меру разъедена железом, по соседству же с нею, но уже не в центре дверного поперечника выдолблена была другая, имеющая вид пятки обыкновенного ключа»[18].

По мнению ряда отечественных палестиноведов, эти найденные врата имели исключительно важное значение для воссоздания крестного пути Спасителя. «Порог вел за город, где должны находиться остатки ворот, – писал Ф. Греков (Палеолог). – Священное Писание сохранило нам и название этих ворот – Ефремовы. Эти ворота – ближайшие к Голгофе, а поэтому более чем вероятно, что по этому пути от городского рынка, через отысканный порог, по русскому месту, к воротам Ефремовым и через них шла Божественная крестная стезя...»[19]. По мнению другого русского палестиноведа – В. Хитрово, «открытие продолжения древнееврейской стены на восток и порога подкрепляют высказанные ранее исследователями топографии древнего Иерусалима предположения относительно прохождения здесь городской Иерусалимской стены времен Спасителя, а также предположения графа Вогюэ, Олесницкого, архимандрита Антонина и Шика о нахождении здесь городских укрепленных ворот, через которые могла проходить конечная часть Крестного пути»[20].

В Православном богословском энциклопедическом словаре, в статье, посвященной Палестине, также утверждается ранее высказанная учеными догадка о чрезвычайной важности тех открытий, которые были сделаны представителями Православного Палестинского Общества в Иерусалиме: «В 1883 году начались раскопки на русском месте, близ храма Воскресения Христова в Иерусалиме, причём были открыты остатки древних городских стен Иерусалима, так называемой второй стены, воздвигнутой Неемией в 445 году до н. э. по возвращении из Вавилонского плена, и порог врат, ведших за город во время земной жизни Спасителя. Через них Христос переступил, неся Крест к Голгофе»[21].

Но и этим не ограничились плоды археологической деятельности архимандрита Антонина (Капустина) в Иерусалиме. Археологическая ценность русского участка была настолько велика, что помимо отыскания остатков древнееврейской эпохи, архимандриту Антонину удалость обнаружить сооружения, принадлежавшие к более позднему времени: колонны, арки и остовы столбов, а также остатки нескольких поперечных стен. И это неудивительно – ведь русский участок находился в непосредственном соседстве с Иерусалимским храмом Воскресения и занимал часть той территории, где в древности находилась базилика Воскресения Христова.

По окончании Никейского собора (325), перед своей поездкой в Рим в 326 году, святой равноапостольный император Константин в дошедшем до нас тексте письма к архиепископу Иерусалимскому, святому Макарию выразил свое желание почтить место страдания и погребения Иисуса Христа сооружением, достойным этого места[22]. Работы по сооружению базилики были начаты, и через короткое время строительство храма было закончено. Это явствует из записок неизвестного паломника – «Бордосского путника», который посетил Иерусалим в 333 году и отметил, «что на этом месте повелением императора Константина только что (лат. *ибидем модо. – Авт.*) сооружена базилика»[23].

Но основные сведения об этой базилике находятся в жизнеописании императора Константина, составленном Евсевием Памфилом. Евсевий Памфил, митрополит Кессарийский и церковный историк, освящавший храм, оставил подробное описание этой базилики в Иерусалиме. Евсевий описывал храм, ему отлично известный, для тех, кто его либо видел, либо мог видеть, и в то время, когда храм еще существовал; поэтому описание в некоторой степени схематично. Вполне возможно, что текст не дает полного, ясного представления о храме, но невозможно допустить, что в этом тексте содержатся недостоверные сведения.

Вот главные моменты рассказа Евсевия Памфила: до императора Константина пещера Гроба Господня была засыпана землей и представляла собой высокую площадь; на ней был выстроен храм Афродиты. Первым распоряжением императора Константина было разрушить этот храм. Решив выстроить храм около пещеры Гроба, он послал всем начальствующим на Востоке римским наместникам приказание помогать постройке щедрыми приношениями; к епископу же Иерусалимскому Макарию послал письмо, в котором поручал ему руководить постройкой. Пещера Гроба была украшена колоннами; строение занимало часть большой площади, которая была вымощена камнями и с трех сторон окружена длинными рядами портиков.

«Вслед за словами царя, – писал Евсевий, – шло дело, велись работы, и на самом месте спасительного страдания устраивался новый Иерусалим. <...> И вот, как бы некую главу всего, он (царь) сначала украсил священную пещеру, ту Божественую Гробницу, возле которой блистающий светом Ангел некогда благовествовал общее всем пакибытие, явленное через Спасителя (гл.34). Итак, прежде всего, эту гробницу, как бы главу всего, царская щедрость украсила отборными колоннами и весьма многими украшениями, придавая ей всяческий блеск (гл.35). Потом она (царская щедрость) перешла на весьма большое место – открытый атриум, тут расстилавшийся, который был вымощен мрамором, обведен с трех сторон галереями портиков... По обеим сторонам во всю длину храма тянулись двойные колоннады верхних и нижних парных портиков, которых потолки были также украшены золотом»[24].

Несмотря на то, что описание Евсевия – это описание очевидца (он присутствовал при освящении храма в 335 году), нельзя сказать, что оно было совершенно ясным. Этим объясняется то, что попытки реставрации этих сооружений, делавшиеся

различными учеными, давали различные результаты. Известны четыре такие попытки: археологов Виллиса, Тоблера, Вогюэ и Сеппа. Раскопки, произведенные на русском участке архимандритом Антонином, явились своеобразным венцом усилий его предшественников. Результаты этих раскопок, проанализированные и обобщенные совместными усилиями архимандрита Антонина и К. Шика, свидетельствовали о том, что базилика императора Константина занимала сравнительно большое пространство, куда вошла и Акра (общественное здание) предшествующего периода. Строители базилики воспользовались ее стенами, также как и городской стеной, чтобы превратить их в стены базилики, а ров, который шел в направлении от севера к югу и затем поворачивал от востока к западу, был засыпан, для того чтобы выровнять всю площадь. Таким образом в стены Константиновой базилики были превращены северная, восточная и южная сторона Акры, из которых первая (северная) образовала стену параллельного базилике крытого портика, вторая же и третья – стены самой базилики. Следовательно, в состав базилики вошли и открытые на русском месте древнееврейские стены, образовавшие юго-восточный угол базилики[25].

Обобщая результаты раскопок, связанные с базиликой императора Константина, отечественный исследователь в конце прошлого столетия высказал предположение о том, что «воспользовавшись постройкой Акры, архитектор (по свидетельству блаженного Иеронима, Евстафия, пресвитера Константинопольского), немного расширил площадь к востоку, захватив часть торговой площади по ту черту, которая образовывалась выходившими за стену выступами, среди которых был открытый ныне порог; таким образом, ворота крестного пути, ведшие на форум Акры, ворота Ефремовы, были заложены, но проход в виде буквы L остался, образуя улицу, шедшую возле крытого портика, который составлял южную границу базилики. На русском месте базилики сохранились 2 столба, поддерживавшие этот портик; расстояние между столбами составляет 4,75 метра. Затем, на том же месте находятся 2 столба и пилястр, принадлежавшие, по реставрации Шика, пропилеям, внешние столбы которых выходили на торговую площадь»[26].

В докладе, представленном отечественным палестиноведом В. Н. Хитрово на рассмотрение Православного Палестинского Общества, отмечалось, что предпринятые Обществом раскопки уяснили важные детали Константиновых сооружений, а именно: дали точные расстояния некоторых их частей, указали план пропилеев и найденной массивной стеной доказали, что открытая площадь не была смежной с пропилеями, а отделялась от нее большим сооружением, которым могла быть только базилика[27].

Ради объективности следует отметить, что выводы, связанные со второй Иерусалимской стеной, порогом врат и базиликой императора Константина, не были приняты единодушно в русских научных кругах. Вскоре после того как результаты раскопок на русском участке были опубликованы в 7-м выпуске Православного Палестинского Сборника (СПб., 1884), в печати появилась книга русского палестиноведа Б. П. Мансурова под названием «Базилика императора Константина в Святом Граде Иерусалиме» (М., 1885), в которой большинство из высказанных в издании Палестинского Общества мнений подвергались подробному критическому разбору.

Как в данном труде, так и в дальнейших своих публикациях Б. П. Мансуров придерживался той точки зрения, что «Христова святыня есть великое и священное дело; поэтому прежде признания вновь открытого предмета (врата) за святыню Христову необходимо окружить себя таким запасом доказательств, который мог бы противостоять всем возражениям и устранить всякие сомнения»[28]. В целом позиция

Б. П. Мансурова была оценена благожелательно как его сторонниками, так и научными оппонентами. В рецензии, написанной автором, разделявшим точку зрения Б. П. Мансурова, говорилось о том, что «сочинение Б. П. Мансурова старается ввести тружеников палестинской археологии в область точных фактов и наблюдений; но, разрушая поспешные и смелые выводы, автор в то же время остерегается от создания новых собственных проектов. Необходимо признать важность за новыми открытиями в Иерусалиме памятников древности и пожелать Православному Палестинскому Обществу успехов в деле столь важном как для науки, так и для религиозного чувства»[29].

Что касается представителей тех кругов палестиноведов, чьи выводы были подвергнуты в сочинении Б. П. Мансурова критике, то и они в целом оценивали его труд положительно. Так, В. Н. Хитрово, излагая свое мнение о книге Б. П. Мансурова, писал следующее: «Не менее отрадным результатом раскопок есть самое появление книги Мансурова «Базилика императора Константина». Если исключить из нее полемику, не вполне научные приемы... и слишком поспешные выводы, в чем, конечно, извинением служит, что это первый научный труд ее автора, то книга эта в нашей палестинской литературе, при нашем вообще малом знании ее, принесла ту несомненную пользу, что своим скептицизмом сказала: «не относитесь легковерно к тому, что вам говорят об Иерусалиме, не верьте на слово, а сами потрудитесь сличить, проверьте и подумайте и только тогда составьте суждение о прочитанном». За это, конечно, с применением к его собственной книге, можно сказать большое спасибо автору «Базилики императора Константина»[30].

Для того, чтобы в некоторой степени составить представление о характере научной полемики по поводу русских раскопок в Иерусалиме, следует обратиться к проблеме, связанной с отысканием остатков второй Иерусалимской стены и находившихся в ней вратах. В протоколах заседаний Православного Палестинского Общества этот вопрос освещался довольно подробно: «По отношению к остаткам несомненно древних еврейских стен обнаружились затруднения, препятствующие считать их просто остатками городской стены. Как объяснено в изданиях Палестинского Общества и в книге Б. П. Мансурова, препятствия эти заключаются в том, что лицевые фасады этих стен (то есть стороны с выпусковыми большими камнями) оказываются обращенными внутрь города, а не вовне, что невозможно для городской стены, и, наоборот, ворота при вновь найденном пороге (при предположении его одинаковой древности), соединявшиеся с вышеупомянутыми стенами, открывались некогда к стороне Гроба Господня, а не внутрь города, что опять выходило наоборот против ожидаемого»[31].

Здесь же можно привести отрывок из научного отчета архимандрита Антонина, написанного ранее выхода в свет книги Б. П. Мансурова, где как бы предваряется и оспаривается возражение, приведенное выше. «Сам же новооткрытый памятник Христовых времен готов был как бы возразить нам против придаваемого ему нами значения, – писал архимандрит Антонин. – Ворота сравнительно узки, чтобы быть им городскими. Затем, при составленном нами предположении, они должны были отворяться вовне, чему не принято быть в городских воротах, ради страха нашествия вражеского обыкновенно укрепляемых изнутри засовами. Ширина ворот в 4 без малого аршина, конечно, невелика, и на нынешние понятия о деле как бы не приходится. Но не забудем, что мы имеем тут дело с древностью, всего более страшившеюся нападения отвне врагов и уже конечно избегавшею широких отверстий в городских забралах, особенно там, где местность и по сию и по ту сторону представлялась

ровной, как в настоящем случае. Что же касается отверстия ворот вовне, на объяснение сего спешат все нынешние 6 ворот города Иерусалима, все имеющие вид башни с двумя собственно воротами, образующими внутри ее искривленный и ломаный ход для удобства отражения вторгшегося врага»[32].

Таким образом, со временем возникла необходимость дать подробную оценку критическим замечаниям Б. П. Мансурова по поводу результатов русских раскопок в Иерусалиме. Для бóльшей объективности это было поручено осуществить Совету Русского Археологического Общества (РАО), которое в своей работе и выводах было бы независимо от Православного Палестинского Общества. 24 декабря перед Советом РАО была поставлена задача оценить научное значение произведенных Православным Палестинским Обществом раскопок на основании изданных им книг, а также возражений против них, помещенных в книге Б. П. Мансурова «Базилика императора Константина»[33].

К участию в работе для разрешения этих вопросов Совет РАО пригласил следующих своих членов, компетентных в тех областях археологии, которые имели прямое отношение к поставленным вопросам: начальника Иерусалимской Миссии архимандрита Антонина, наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандрита Леонида (Кавелина), В. Г. Васильевского, Д. И. Гримма, Н. П. Кондакова, Н. В. Покровского, А. Н. Резанова, Н. В. Султанова, И. Е. Троицкого и профессора Киевской Духовной академии А. А. Олесницкого[34]. Полученные письменные отзывы от некоторых из них в феврале 1887 года обсуждались на нескольких заседаниях Совета РАО.

Свои заключения относительно научного значения раскопок Палестинского Общества Совет РАО сформулировал в следующих тезисах:

1. Глубокая дохристианская древность найденных на русском месте остатков стен, сложенных из камней с выпусками, не подлежит сомнению.

2. Весьма вероятно, что и вновь отысканный порог со следами ворот, а также и другая стена, идущая с севера на юг, принадлежат к столь же глубокой древности.

3. В таком случае необходимо будет принять, что все эти остатки входили в состав какого-нибудь сооружения, скорее всего приворотной башни при второй Иерусалимской стене, и что вообще близкое отношение остатков ко второй Иерусалимской стене не подлежит сомнению.

4. Что с точки зрения христианского Предания не может быть решительно отрицаемо и близкое отношение найденного порога к Крестному пути Спасителя.

5. При настоящем состоянии наших знаний в существующих на русском месте колоннах и пилястре нет никакой возможности видеть что-либо другое, кроме пропилей базилики Константина Великого; а в таком случае необходимо признать, что остатки древнееврейских стен введены были в состав сооружений Константина[35].

Большое значение по данным вопросам имел для Совета РАО отзыв профессора А. А. Олесницкого, обладавшего общепризнанным авторитетом именно в области иерусалимской археологии. Профессор Олесницкий доказывал принадлежность стен с выпусковыми камнями древнееврейской дохристианской эпохе, мнение его имело большой вес, поскольку летом 1886 года он имел возможность подтвердить свои прежние наблюдения новыми исследованиями на месте русских раскопок[36].

Интересно то обстоятельство, что один из иностранных археологов, ранее осуществлявших раскопки на русском участке в Иерусалиме, М. Вогюэ, независимо от выводов Совета РАО подтвердил высокую научную ценность открытий, сделанных представителями русской библейской археологии. В своей статье, опубликованной в 1886 году, он, в частности, писал: «Именем научных библейских исследований,

благодарю за оказанные (Палестинским. – *Авт.*) Обществом услуги археологии Святой Земли, разъяснением одного из важнейших вопросов, касающихся топографии Иерусалима... Раскопки, произведенные русским Обществом, достигли по меньшей мере той важной цели, что доставили все данные, которые заключались на месте, и в этом отношении исчерпали вполне вопрос. Можно быть уверенным, что изучение места, по крайней мере в пределах русских владений, дало все, что оно могло дать... Правда, жалко, что раскопки эти не могли быть продолжены во дворе, принадлежащем коптскому монастырю и окружающем подземную церковь Обретения Креста; нет сомнения, что они открыли бы важные и подлинные следы Константиновых сооружений. Но я боюсь, что настоящее поколение не увидит того духа терпимости и забвения предрассудков, чтобы подобные работы были мыслимы. До тех же пор крайне счастливо, что русское правительство и русское Палестинское Общество доставили несколько научных данных к тем многочисленным вопросам, которые возбуждает досточтимый памятник, посвященный Святому Гробу. Благодарю их именем друзей христианского Востока, благодарю их за то место, которое ими отведено моим скромным исследованиям»[37].

В заключение следует упомянуть о дальнейшей судьбе тех древних реликвий, которые были открыты архимандритом Антонином. Произведенные на русском месте раскопки и открытые здесь остатки древнееврейской стены, порога Судных врат, арки базилики Константина и пристроек византийской эпохи, естественно, потребовали со стороны Православного Палестинского Общества сооружения зданий для их защиты от непогоды. Для достижения этой цели Палестинское Общество нашло возможным всю северную часть, где были сосредоточены главные реликвии, связанные с евангельскими событиями, реконструировать так, чтобы к ним был свободный доступ паломников. Здесь же предполагалось устроить археологический музей.

13 сентября 1887 года трудами Палестинского Общества был заложен первый камень нового сооружения. К 1891 году было закончено строительство сооружений, которые должны были охранять древние святыни; порог Судных врат, открытый при раскопках, был огражден решеткой и по обеим стенам были помещены иконы, а сверху на арке повешены лампады.

Заканчивая краткий обзор начального периода археологической деятельности Православного Палестинского Общества, следует отметить, что и в последующие годы его представители также активно подвизались на ниве изучения святых мест, связанных с евангельскими событиями. Целый ряд русских палестиноведов, в том числе и архимандрит Антонин, сделали многое для развития отечественного палестиноведения. Но даже если ограничить перечень их достижений упоминанием об открытиях, сделанных более ста лет назад на русском участке в Иерусалиме, этого будет вполне достаточно, чтобы увидеть, какое достойное место занимает русское палестиноведение в истории библейской археологии.

2. Русские археологические исследования в Палестине

Открытия, сделанные русской библейской археологией в Святой Земле, связаны в первую очередь с именем архимандрита Антонина (Капустина), который в течение 28 лет, вплоть до своей кончины в 1894 году, был начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Трудами архимандрита Антонина были приобретены земельные участки в Палестине и вскоре на них были произведены интересные и богатые в научном отношении раскопки. Все это было возможным потому, что любовь архимандрита Антонина к Святой Земле и усердие по открытию и сохранению библейских

памятников были безграничны. Некоторые из наиболее замечательных древних памятников, служившие до того овечьими загонами у феллахов, занесенные песком и едва доступные для изучения, были расчищены архимандритом Антонином от вековых наслоений, приобретены им в собственность Русской Духовной Миссии и получили название русских памятников в Палестине. Истории открытий, сделанных на некоторых из них, и посвящен настоящий раздел.

Яффа. В 1868 году архимандрит Антонин приобрел в пригороде Яффы пустырь под названием «Дарбатейн Табита». Место это носит арабское название Табиты, то есть Тавифы. Предание связывало этот участок с местом упокоения праведной Тавифы, воскрешенной апостолом Петром (Деян. 9, 36–43). Еще в 1870 году, по словам архимандрита Антонина, участок представлял «обширный пустырь: сперва холмистый, потом совершенно ровный, имевший фигуру параллелограмма». В двух местах к тому времени уже были открыты пещеры, служившие гробницами у древних жителей Иопии.

Архимандрит Антонин энергично взялся за исследование этого места, связанного с новозаветным повествованием, и в 1874 году открыл здесь на русском участке целый некрополь, давший много ценных археологических находок, обогативших основанный при Миссии археологический музей. Эти раскопки обогатили в научном плане не только музей Яффы, поскольку многое из того, что было обнаружено архимандритом Антонином при раскопках, направлялось им в Россию в дар Духовным академиям, о чем в свое время писал профессор Киевской Духовной академии А. А. Олесницкий: «Какую важность имеют эти раскопки, тому доказательством могут служить уже каталоги археологического музея при нашей (Киевской Духовной. – *Авт.*) Академии, в которых целые тысячи номеров наполненны пожертвованными отцом Антонином нашему музею разными весьма интересными древними вещами, в значительной степени им самим найденными при раскопках. Очень много древних вещей, пожертвованных отцом Антонином, значатся в каталогах и других Духовных академий»[38].

Интересно отметить, что труды архимандрита Антонина в археологической сфере побуждали и других русских исследователей заниматься систематизацией отысканных ими древностей. Одним из таких людей был русский представитель в Палестине Устинов, который владел в той же Яффе домом, где разместил свое археологическое собрание. Оно представляло большой интерес с научной точки зрения, что и было отмечено в печати: «собрание это... составлено почти исключительно из предметов, найденных по сирийскому побережью в Яффе, Газе и других местах. В этом собрании находятся, в частности, мраморные бюсты философа Платона и неоплатоника Олимпиодора высокой работы»[39].

Иерихон. Как известно, раскопки, произведенные в Иерихоне, в основном были организованы иностранными археологическими обществами. Но картина будет неполной, если не упомянуть о тех трудах, которые были предприняты там представителями Православного Палестинского Общества. Начало этим раскопкам положил в 1875 году все тот же неутомимый архимандрит Антонин (Капустин). Впоследствии, в 1886 году, Палестинское Общество ассигновало 1500 рублей на раскопки в Иерихоне на русском участке[40].

В саду, расположенном на русском участке в Иерихоне, издавна были видны остатки мозаичных полов. Русский археолог Я. И. Смирнов, исследовав их в 1891 году, установил, что они являются остатками частного дома. «На значительном пространстве обнаруживаются следы разрушенных домов: на пустырях видны небольшие холмики, образовавшиеся от развалившихся зданий, на одном из них лежит база

колонны; в садах при работах находят остатки стены, иногда сложенные из больших, хорошо отесанных камней»[41], – писал об этих раскопках русский церковный археолог Н. П. Кондаков.

Раскопки в Иерихоне продолжались, и каждый день приносил русским археологам радость открытий. «В Иерихоне на русском месте постоянно открываются новые предметы вследствие расчистки почвы, – сообщалось в журнале «Известия Русского Археологического Института в Константинополе». – Очень интересны во многих отношениях пещеры, находящиеся в близости монастыря Иоанна Хозевита. Но проникнуть в них не оказалось возможным, так как доступ к пещерам соединён с невероятными затруднениями»[42]. Но поскольку археологические исследования имеют свою специфику, не все результаты раскопок были впоследствии доступны для дальнейших исследований. В Палестине в те годы для археологов не было никаких гарантий со стороны турецких властей, и поэтому неудивительным покажется сообщение, сделанное вскоре после завершения этих раскопок: «Часть мозаик, открытых архимандритом Антонином, была им сфотографирована, часть камней с надписями приобретена им, другая часть хранится в благонадёжном месте. Но есть мозаики и надписи, которые снова зарыты и место нахождения которых знает только драгоман Русской Духовной Миссии, при посредстве которого и сфотографированы Институтом (РАИК. – *Авт.*) несколько мозаик и надписей»[43].

Об этом же сообщал и Н. П. Кондаков, посетивший с научными целями Сирию и Палестину и побывавший на русском участке в Иерихоне. «На территории сада Палестинского Общества, – писал он, – был найден мозаичный пол и древняя стена с северной части его. Перед домом садовника вырыты были стены, дверь и колонны. Но эта яма засыпалась землей и мусором и на поверхности земли видны были лишь большие тесаные камни от разобранных стен, обломки одной колонны да две капители, за домом видны также два обломка колонн»[44].

Продолжение раскопок на русском месте в Иерихоне было в дальнейшем затруднено тем, что на этом участке началось возведение зданий русского подворья и храма. Но при закладке фундамента этих строений было сделано очередное важное открытие: было найдено мозаичное надгробие основателя древнего храма Кириака, похороненного здесь. Из текста надписи, обнаруженной на надгробии, следует, что игумен Кириак умер 11 декабря 566 года. Таким образом, стало ясно, что русское подворье и храм основаны на месте монастыря и церкви VI века; стало известно точно и имя его основателя[45].

Русский исследователь М. Ростовцев сообщал и некоторые другие подробности о раскопках, проведенных вблизи остатков древнего храма в Иерихоне: «К сооружениям монастырским и церковным, может быть, принадлежало и любопытнейшее сооружение, находящееся недалеко от церкви, – писал он. – Я имею в виду куски большого гранитного (синайский гранит) цилиндрического камня, покрытого снаружи орнаментом в виде сетки или медового сота и встроенного в мурованный цилиндр, сооруженный над колодцем или ямой, в которую сбоку ведет лестница. Вверху посередине в мурованном цилиндре сделано отверстие, ведущее в упомянутое углубление или колодезь»[46].

Русские исследователи осознавали ту большую важность, которую представляли раскопки на русском участке в Иерихоне. Было обращено внимание на необходимость исследовать этот участок более подробно в археологическом отношении. Но, к сожалению, целый ряд обстоятельств не дал возможности продолжить так успешно начатое дело и, в первую очередь, события, связанные с Первой мировой войной.

Елеонская гора. В свое время архимандрит Антонин, заботясь о расширении земельных владений Миссии, не забывал, что обследование этих мест должно быть прежде всего археологическим, результатом чего были в высшей степени интересные открытия и ценные находки на Елеонской горе. С 1868 по 1889 годы архимандритом Антонином было куплено 8 участков на Елеоне, за которые он заплатил 20 тысяч франков. В частности, в 1870 году был приобретен большой участок земли близ места Вознесения Господа, на восточной стороне Елеонской горы.

Произведенные на этом месте раскопки показали, что до арабского нашествия на Иерусалим и Палестину здесь существовал великолепный православный храм. При раскопках были найдены два мозаичных пола, один из которых, с армянской надписью V–VI веков, является редким образцом мозаичного дела. На остатках другого мозаичного пола сохранились изображения птиц, рыб и т. п., причем по своему стилю эта мозаика была весьма похожа на ту, что сохранилась в храме Крестного монастыря[47]. Кроме того, здесь было найдено также множество погребальных пещер[48].

Но на этом не закончились открытия русских археологов на Елеонской горе. В апреле 1892 года на русском месте, при дороге, ведущей от Гефсиманской погребальной пещеры Пресвятой Богородицы на вершину Елеонской горы, Православное Палестинское Общество начало постройку двух домов. При рытье фундамента рабочие обнаружили две пещеры. Первая из них имела направление к северу от постройки, под восходящую на гору дорогу. Во второй пещере была найдена надгробная плита с надписью, которую по начертанию букв можно было отнести к VI веку. Перевод первых двух слов не встретил затруднения: *Гробница Иоанна.* Больше трудностей представили последние два слова: их можно было прочитать как *армянина Таронского,* то есть из известной армянской области Дарон или Тарон[49].

Открытия, сделанные русскими исследователями на Елеонской горе, помогли уточнить историю христианских общин, обосновавшихся здесь после Вознесения Спасителя. Дело в том, что в те же годы на южном склоне средней вершины Елеонской горы по дороге в Вифанию иностранными учеными был открыт мозаичный пол с надписью, шагах в 500 от дороги на восток. Он был обнаружен при закладке фундамента дома под твердым слоем земли от 6 до 10 футов толщиной. На южной стороне пола имелась греческая надпись: «Для упокоения Евсевия пресвитера, Феодосия диакона, Евгения, Елпидия, Евфрата, Агафоника монашествующих»[50]. Поэтому в связи с тем, что открытая надпись – греческая, а найденная русскими археологами на вершине Елеонской горы – армянская, можно было сделать вывод о том, что в древнехристианскую эпоху армяне имели свой участок на вершине горы, а греки владели местом на ее склоне[51].

В дальнейшем на русском участке на Елеоне была воздвигнута церковь Вознесения, и весьма символичным является тот факт, что под сводами этого храма впоследствии был похоронен его основатель и строитель – архимандрит Антонин (Капустин)[52].

3. Итоги археологической деятельности архимандрита Антонина (Капустина) († 1894)

О трудах начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина можно написать солидные монографии. Только лишь анализу предпринятых им в 1883 году раскопок на русском участке в Иерусалиме, в результате чего были найдены остатки второй Иерусалимской стены, порог Судных врат и руины базилики императора Константина, посвящены тома исследований. По-видимому, будет достаточно отметить несколько характерных моментов его деятельности,

чтобы составить приблизительное представление о его кипучей энергии церковного деятеля и ученого.

Так, например, во время работ в Харам-аш-Шерифе был найден камень с греческой надписью. Неосторожно вынимая его, рабочие раскололи этот камень. Архимандрит Антонин, однако, успел еще до повреждения снять отпечаток надписи и спас затем от уничтожения некоторые его куски[53]. В 1892 году французский ученый Жерме-Дюран опубликовал эту надпись в «Ревю Библик». На надписи обозначено число, когда она была сделана, но Жерме-Дюран, не разобравшись в значении даты, высказал догадку, что этот памятник был привезен в Иерусалим из других мест Палестины. Дешифровку надписи суждено было осуществить русским ученым.

Надпись в буквальном смысле гласит следующее: «...таможенник (имени не сохранилось. – *Авт.*), племянник епарха Ареовинда, покоится здесь. Читатель пусть помолится о нем, так как он достоин блаженной памяти. В декабре месяце, первом индиктионе 104 года». Анализируя эту надпись, русский ученый греческого происхождения Пападопуло-Керамевс высказал предположение, что этот памятник имеет иерусалимское происхождение и не был привезен сюда из других мест Палестины, а год надписи указывает на существование особой иерусалимской эры.

Ареовинд, по мнению Пападопуло-Керамевса, был епархом Константинополя в первом индиктионе, как это видно из одного указа императора Юстиниана на его имя. Этому индиктиону вполне соответствует 553 год по Р.Х. Тот же индиктион упоминается и в вышеприведенной надписи, в которой он соответствует 104 году. Так как во многих городах Палестины и Сирии существовали свои особые календари, например в Антиохии, Селевкии, Газе и др., то Пападопуло-Керамевс полагал, что 104 год приводился по иерусалимской эре. Чтобы найти начало этой эры, необходимо вычесть 104 из 553 и получится 449 год. В этом (449) году в Иерусалиме пребывала императрица Евдокия и во время своего пребывания восстановила стены Иерусалима. Пападопуло-Керамевс высказал предположение, что в 449 году реставрация стен была завершена и что городские власти в воспоминание этого события положили 449 год в начало нового летосчисления[54]. Из изложенного видно, что это интересное предположение, не потерявшее свою ценность и в настоящее время, могло быть сделано исключительно благодаря трудам архимандрита Антонина, спасшего древний памятник от уничтожения.

Отдавая почти все свое время заботам по расширению деятельности Русской Духовной Миссии, строительству новых зданий, приему многочисленных паломников из России, совершению богосужений, архимандрит Антонин занимался научной деятельностью лишь за счет отдыха. По воспоминаниям тех русских ученых, которые знали его лично либо слышали о его неустанных трудах от других, «только вечером архимандрит Антонин оставался один; друзьями его и собеседниками были любимые книги, до позднего часа он сидел то над какой-нибудь старинной рукописью или фолиантом, то вел ученую археологическую работу, то, вооружившись лупой и имея под руками капитальные нумизматические издания, напрягал все усилия своего зрения над чтением какой-нибудь старинной рукописи или греческой монеты, то удалялся на устроенную им над Миссией обсерваторию, чтобы там провести несколько времени, изучая дивную твердь небесную с ее неисчислимым разнообразием светил»[55].

Делом рук архимандрита Антонина было и создание археологического музея в здании Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. В кругах церковных археологов этому собранию давалась самая высокая оценка за ее разнообразный и богатый

подбор реликвий, принадлежавших к различным эпохам: «Собрание это особенно богато терракотовыми погребальными лампочками (светильниками. – *Авт.*) еврейской эпохи, а также греческими и латинскими надписями Палестины на подлинных плитах и слепках. Замечательна также нумизматическая коллекция, собранная архимандритом Антонином, которая заключает в себе большое собрание еврейских монет и около 80 монет византийской эпохи. Все эти предметы завещаны покойным архимандритом Антонином Русской Духовной Миссии в Иерусалиме»[56].

Архимандрит Антонин сделал это завещание весной 1894 года, за несколько дней до своей кончины. 19 марта генеральный консул С. В. Арсеньев был приглашен отцом Антонином для составления духовного завещания, которым он, в частности, передал Духовной Миссии собранный материал – все археологические находки, за исключением мраморного бюста Ирода Великого, который должен был быть переданным в Эрмитаж[57].

Этот бюст был найден в Иерусалиме вблизи так называемых царских гробниц; архимандрит Антонин считал его изображением Ирода. Этот бюст изображает мужчину средних лет с окладистой бородой и с повязкой на голове, на повязке находится рельефное изображение римского орла. Архимандрит Антонин считал эту голову изображением Ирода на основании одного места у Иосифа Флавия, где сказано, что Ирод первым из властителей Иудеи стал носить на голове повязку с изображением римского орла, что он приказал воздвигнуть себе в Иерусалиме статую, на которой он изображен с подобной повязкой и что во время народных волнений статуя эта была низвергнута[58].

Говоря о дальнейшей судьбе археологических памятников, собранных архимандритом Антонином, необходимо отметить, что после его кончины на пост начальника Русской Духовной Миссии был назначен архимандрит Рафаил (Трухин). К сожалению, за все время, проведенное архимандритом Рафаилом в Иерусалиме (1894–1899), завещание архимандрита Антонина о его наследстве в основном осталось невыполненным. Дело в том, что архимандрит Антонин завещал собрание греческих и южнославянских рукописей Публичной библиотеке в Петербурге. Но в течение 5 лет, прошедших после его кончины, и его библиотека, и археологические древности по-прежнему находились в Иерусалиме, и лишь только мраморная голова Ирода была отправлена в Эрмитаж в 1898 году[59]. Впрочем, ответственность за выполнение воли покойного несло русское консульство в Иерусалиме, а не Миссия. Библиотека архимандрита Антонина, насчитывающая несколько тысяч книг, и доныне составляет гордость Миссии[60].

Сохранились воспоминания одного из русских исследователей, М. Ростовцева, посетившего в начале нынешнего столетия археологический музей, основанный архимандритом Антонином: «В нем я нашел немало вещей первостепенного достоинства и, прежде всего, богатейшую коллекцию палестинской керамики, которая в последнее время все более и более интересует современное научное исследование, – писал автор воспоминаний. – В состав музея входит и превосходный эллинистический саркофаг, один из немногих памятников местной декоративной скульптуры. <....> Чрезвычайно любопытны изображенные на этом саркофаге корзинки, наполненные кедровыми шишками, очевидно, входившие в состав погребального ритуала. Головы быков, с подвешенными на них гирляндами, обычны»[61].

Далее М. Ростовцев отмечает исключительную научную ценность этого памятника, принадлежавшего к раннехристианской эпохе и в то время совершенно неизвестного в международных археологических кругах: «Мне неизвестно, чтобы этот саркофаг был где-нибудь издан и разобран. Дата его, может быть, определяется сравнением с

датированной гробницей Тиберия Клавдия Сосандра в Северной Сирии (134 год по Р. Х.). Гирлянды и букрании, идущие здесь по фризу гробницы, в высшей степени похожи на наши, как по структуре самой гирлянды, так и по сухости и резкости стиля резьбы. Самый мотив встречается вообще в Сирии нередко, но гробница Сосандра является наиболее близкой параллелью к нашему саркофагу. К сожалению, мне осталось неизвестным, где именно саркофаг был найден. Памятник этот заслуживал бы, конечно, лучшей публикации, чем та, которую я могу сделать здесь»[62].

Завершая обзор научной деятельности архимандрита Антонина, которую он вел в Палестине в течение 28 лет вплоть до самой своей кончины на 78-м году жизни в 1894 году, накануне праздника Благовещения, можно отметить, что его труды окончились лишь за 5 дней до его смерти.

4. Деятельность Русского Археологического Института в Палестине

Задачей созданного в конце прошлого столетия в Константинополе Русского Археологического Института (РАИК) было в первую очередь изучение истории Византии. Но, поскольку Палестина входила некогда в состав окраинных владений Византийской империи, сотрудники РАИК проявляли к изучению палестинских древностей постоянный интерес. Одним из первых шагов, предпринятых в этом направлении, было изучение древних остатков Мадебы (Медева, по Библии; см.: Нав. 13, 16).

Впервые название *Мадеба* встречается в Библии в рассказе о занятии евреями обетованной земли, когда, по определению Моисея, Заиорданье было отдано коленам Рувима и Гада и части колена Манассии, причем Мадеба вошла в состав области Рувима (Нав. 13, 1–15). О Мадебе упоминал и Иосиф Флавий; из актов Халкидонского Собора известно, что в V веке Мадеба была епископией митрополии Босры, подчиненной Антиохийской Патриархии, и что епископом Мадебским был Гаиан или Каян.

Предполагать, что Мадеба была одной из жертв опустошительных войн Хозроя, отнявшего у Византии всю христианскую Сирию и покрывшего ее развалинами, не позволяют надписи, найденные в мозаиках пола двух базилик, которые можно отнести к концу VI века или даже к началу VII века. Однако весьма возможно, что во времена крестовых походов Мадебы уже не существовало, и поэтому ее имени нигде в рассказах об этих походах не находится[63].

В 1880 году на месте древнего города Мадебы поселилась группа арабских христианских семейств. При переделке остатков древних зданий на жилища были обнаружены интересные мозаичные полы и фундаменты зданий, в большинстве своем базилик. На фундаменте одной из этих базилик в 1895 году была построена православная греческая церковь, и только уже при расчистке новой постройки от строительного мусора был обнаружен интереснейший мозаичный пол древней базилики. Благодаря случаю, приведшему в Мадебу во время очистки вновь построенной греческой церкви библиотекаря Иерусалимской Патриархии Клеопу Киликида, была спасена сохранившаяся еще тогда часть мозаичного пола, который, как оказалось, представлял географическую карту Палестины, Сирии и Египта, исполненную, по всей вероятности, в VI веке по Р.Х. Опубликованная Киликидом, эта мозаика привлекла к себе внимание ученого мира, так как она, несомненно, представляла древнейшую греческую карту, заслуживавшую самого серьезного изучения[64].

В 1897 году РАИК воспользовался пребыванием в Палестине молодого русского художника немецкого происхождения Николая Карловича Клуге и поручил ему заняться съемкой планов, зарисовкой акварелью и фотографированием открытых к тому времени памятников древности в Мадебе. Н. К. Клуге провел в Мадебе за этой

работой около года и результатом ее явилась целая серия тщательно исполненных планов древнего города и обнаруженных там христианских базилик, акварелей с мозаик пола, сохранившихся в некоторых из этих базилик, и фотографий как нынешнего поселения, так и сохранившихся древностей[65].

О высоком уровне научной деятельности РАИК и о том авторитете, который он завоевал в русских научных кругах, свидетельствует один, на первый взгляд, непримечательный случай. В самом начале нынешнего столетия русский гражданин А. Соломяк, находившийся в Палестине по делам, не имевшим отношения к археологическим раскопкам, был волей случая вовлечен в события, связанные с важной находкой. В данном случае примечательно то, что он сразу же сообщил руководству РАИК все подробности.

Согласно сообщению А. Соломяка, 18 марта 1901 года в Иерусалиме была обнаружена древняя мозаика. В этот день к нему пришел один из местных жителей и рассказал, что вблизи Дамасских ворот, за городскими стенами к западу, в еврейском предместье, владелец дома багдадский еврей Шалом Габай, копая яму у себя во дворе, наткнулся на твердый помост. А. Соломяк поспешил к этому месту и стал расчищать небольшую площадку на дне ямы. Вскоре показались неясные очертания человеческого лица, а затем и целая мозаичная фигура кентавра. Не имея свободного времени и достаточных сведений для самостоятельных раскопок, русский паломник, однако, желал сделать доступной открытую мозаику всестороннему исследованию археологов. «Признаюсь, – писал он в РАИК, – мне очень хотелось, чтобы честь этого важного, как увидим ниже, открытия, принадлежала русской науке, но в Иерусалиме, к глубокому сожалению, нет в настоящее время ни одного русского ученого, специально изучающего местные древности, которые, прибавлю от себя, далеко не все открыты и изучены»[66].

Опасаясь невежественного обращения с мозаикой со стороны хозяина и соседей, А. Соломяк уговорил его слегка засыпать ее землей и обещал вскоре вернуться. Затем он отправился в близлежащий католический монастырь святого Стефана к ученому доминиканцу Лагранжу, директору находящейся в этом монастыре Археологической библейской школы, и сообщил ему о найденной мозаике. П. Лагранж вместе с русским любителем древностей поспешил к месту находки, и они снова стали откапывать помост. Очистив около 3–4 квадратных метров, они увидели тщательно и с большим искусством выполненные фигуры: сидящего мужчины (почти в человеческий рост), играющего на многострунной лире и окруженного различными животными и птицами; внизу, по обеим сторонам от этой фигуры, находились по правую сторону – кентавр, по левую – сатир. Все это было окружено четырехугольным мозаичным бордюром – орнаментом, состоящим из разных фигур.

Но вскоре оба исследователя вынуждены были прекратить дальнейшие раскопки из-за собравшейся толпы любопытных и появления местной полиции. На следующий день П. Лагранж со своим помощником, с разрешения местного инспектора народного просвещения, откопали весь мозаичный помост, на котором кроме уже найденной они обнаружили еще две мозаичные картины с изображением двух женских фигур[67]. Как сообщал далее русский любитель древностей, «на следующее утро я пришел с фотографом, чтобы снять мозаику, но нашел там уже полицейских, которые получили приказ не позволять никому срисовывать или фотографировать ее. С большим трудом и не без известного средства мне удалось умилостивить блюстителей порядка, которые и разрешили моему фотографу сделать два снимка, при сем мною препровождаемые»[68].

Из сообщения А. Соломяка следует, что он сделал все возможное, чтобы утвердить приоритет русской археологии в сделанном им открытии и сразу же переслал фотоснимки с изображением древней мозаики в РАИК. Но он не ограничился «технической» стороной дела и далее в своем сообщении приводил некоторые соображения по поводу найденной им мозаики: «По мнению П. Лагранжа, она изображает «Триумф Орфея», окруженного представителями животного царства. Присутствие женских фигур можно объяснить, быть может, находившейся невдалеке от этой мозаики усыпальницей этих матрон. Мозаика не может принадлежать эпохе, позднейшей царствования Адриана (II в. по Р.Х.), так как её чисто языческий сюжет никоим образом не мог уже иметь место в Иерусалиме позднейшем, христианском»[69].

В начале нынешнего столетия Православное Палестинское Общество, занимавшееся раскопками в Палестине, начало ощущать некоторые трудности как в материальном, так и в научном отношении. В те годы секретарь этого учреждения В. Н. Хитрово ставил вопрос о необходимости создания научного отдела в Палестинском Обществе, поскольку эпизодические раскопки на русских участках в Палестине требовалось заменить планомерной исследовательской работой. 11 апреля 1900 года состоялось собеседование Православного Палестинского Общества по научным вопросам, касающимся Палестины, Сирии и сопредельных с ними стран. На этом заседании П. К. Коковцев прочел записку о необходимости русских археологических изысканий в Палестине и о желательности расширения в связи с этим деятельности ученого отделения Палестинского Общества[70].

Он, в частности, сказал о том, что «Православное Палестинское Общество имеет уже готовый материал для археологических изысканий и раскопок, владея на правах собственности в Палестине и в самом Иерусалиме целым рядом в высшей степени интересных в археологическом отношении исторических местностей и памятников, которые только ждут, чтобы русские археологи уделили им внимание. Например, известный монолит в Сильване около Иерусалима, несомненно, остаток эпохи Соломона (по одним данным – гробница дочери фараоновой, по другим – база жертвенника, выстроенного для неё Соломоном)[71]; или так называемая гробница пророков на Елеонской горе, снова возбудившая в последнее время интерес западноевропейских археологов»[72].

Поэтому помощь, которая могла быть оказана Палестинскому Обществу со стороны РАИК, дала бы свои положительные результаты. Деятельность РАИК в области палестиноведения не ограничилась случайными, эпизодическими исследованиями Святой Земли, но его представители внесли свой достойный вклад в развитие отечественной библейской археологии.

Бет-Захари (Дом Захарии). К началу XX столетия относятся раскопки, произведенные русскими археологами в пригороде Иерусалима. Под названием Бет-Захари (Дом Захарии) у арабов известен пустынный и каменистый, поросший тернием, большой пологий холм в 16 километрах от Иерусалима и 7,5 километрах от Вифлеема по Хевронской дороге, принадлежавшей одному арабу, вифлеемскому уроженцу.

Производя на холме пробные раскопки, этот араб обнаружил развалины и фундамент каких-то зданий и обратился к православным грекам, католикам и русским представителям в Палестине с предложением купить у него этот участок совсем дешево – за 140 золотых монет. Пока все они размышляли над этим предложением, судьба снова стала благоприятствовать арабу. Случайно у подножия холма был открыт сильно осевший от времени старинный водоем, остатки акведука, доставлявшего воду из Арруба в Иерусалим, и ниша со следами фресок. Новое открытие

вызвало у ученых сильнейший интерес к Бет-Захари, прежние колебания исчезли, и все захотели приобрести продаваемый участок. Араб «уловил момент» и пустил имение с торгов по принципу «кто больше». И вот первоначальная скромная цена в 140 золотых быстро возросла до 900. Победителями оказались русские, в значительной мере благодаря энергии представителя Русской Духовной Миссии иеромонаха Владимира (вскоре после этого отправленного в Россию) и драгомана при Русской Миссии в Иерусалиме Г. Халеби, питомца Киевской Духовной академии. Так, осенью 1902 года Бет-Захари сделался русским достоянием[73].

В ходе произведенных затем пробных археологических раскопок было обнаружено большое количество древностей. Был открыт фундамент небольшой, величиной 20×10 метров, церкви с абсидой, нефом и притвором, фундамент прилегающих пристроек и фрагмент мозаики на греческом языке в одной из внутренних частей храма. Смысл надписи можно было истолковать как «церковь была сооружена на месте бывшего «дома Захарии»[74].

В 1906 году русский археолог И. Я. Стеллецкий посетил Бет-Захари и на основании подробных дополнительных исследований сделал весьма важные выводы, касающиеся истории Древней Церкви. «Из развалин в Бет-Захари сейчас видно немногое, – писал И. Я. Стеллецкий. – Все остается засыпанным со времени пробных раскопок 1902 года, как бы в ожидании радикального расследования по всем правилам археологической науки. Все же можно проследить абрис церкви и смежных с ней построек. Над абсидой и частью нефа древней церкви теперь возведено небольшое здание в две комнаты... Во второй находится собрание разнородных предметов древности – своеобразный бет-захарский музей, собранный тщанием надзиравшего тогда за участком миссийского монаха, археолога-любителя. В комнате находятся также фрагменты древнего мозаичного пола с нашумевшей надписью, к сожалению, сильно попорченной при расчистке вследствие неопытности русских рабочих-паломников»[75].

Непосредственно к зданию церкви в древности примыкало какое-то обширное строение с многочисленными цистернами и полузасыпанными сооружениями. Внутри одного из них, куда вела хорошо сохранившаяся узкая каменная лестница, тоже были открыты следы мозаичного пола. Несколько ниже, на террасе восточного склона холма, обрисовывались контуры другого здания. Рядом с ним был обнаружен склеп, в котором при расчистке нашли огромных размеров человеческий скелет.

«Вся площадь развалин усеяна археологическими фрагментами, – продолжал И. Я. Стеллецкий далее, – белые стволы мраморных колонн, коринфские капители и пр., красиво отчеканиваются на однообразном темно-сером фоне мусора и камней. Кое-где попадаются остатки старинного акведука и много разнообразной формы и величины цистерн: уже к тому времени было открыто и расчищено до восьми, из которых три функционировали, доставляя свежую и чистую воду. Одна из этих цистерн кувшинообразной формы находится близ бывшего здания церкви, другие две, значительных размеров, с высеченными ступенями внутрь, расположены в северо-западной части холма, рядом с шоссейной древнеримской дорогой. Над этими цистернами возведены каменные навесы с железными дверями, запирающимися на замок»[76].

Другой особенностью Бет-Захари являлось множество пещер и гробниц. Весь западный склон холма представлял из себя сплошной некрополь. В погребальных пещерах были найдены груды человеческих костей, множество глиняных не бывших в употреблении светильников, черепки глиняной посуды и пр. По мнению И. Я. Стеллецкого, «многовековую смену древних культур в Бет-Захари завершила христианская культура. Наглядным памятником последней служат описанные выше развалины...

Это суть развалины христианского монастыря, обширного, многолюдного и богатого, ранней византийской эпохи, приблизительно IV–V веков по Р.Х.»[77].

До сих пор речь шла о раскопках, осуществленных на восточном и западном склонах холма Бет-Захари. Важные открытия были сделаны также и на северо-восточном склоне, где были найдены искусственные пещеры. К тому времени, когда здесь побывал И. Я. Стеллецкий, на северо-восточном склоне было расчищено несколько больших пещер. Вполне же реставрировано только две. Из них меньшая, северная, представляла собой высокую, полутемную, почти квадратную комнату, куда вели 8–9 полуразрушенных земляных ступеней. Более интересным оказалось другое подземелье, бóльших размеров и находящееся ближе к развалинам церкви. Оно также представляло собой комнату, высокую, до полутора саженей (3,5 м), в виде продолговатого четырехугольника, длиной около двух саженей (4,7 м). Внутрь вела лестница в 11 широких, тоже полуразрушенных ступеней.

«Подробный осмотр этого помещения приводит к убеждению, что здесь мы имеем дело с христианской катакомбой первых веков. Служила ли последняя и местом погребения для умерших, пока трудно сказать, но то, что она отвечала потребностям религиозного характера, что это была катакомбная церковь – это вне сомнения»[78] – такой вывод сделал И. Я. Стеллецкий после осмотра раскопок. Но он не ограничился исследованием этой катакомбной церкви и продолжил свои изыскания.

У входа внутри катакомбного помещения, с левой стороны, Стеллецкий обнаружил еще одну пещеру высотой в человеческий рост; по его мнению, это могла быть церковная ризница. «У середины южной стены, в дне подземелья, рушенная земля, – продолжал Стеллецкий. – По словам монаха, здесь была круглая яма, в которую все уходила земля, прежде чем удалось, наконец, засыпать ее. Но и теперь при ударе слышен глухой звук пустого пространства, и ничего не будет невероятного, если допустим, что здесь перед нами тот самый погребальный склеп, какого этой христианской катакомбе недостает. К сожалению, абсолютный недостаток времени не позволил нам произвести даже поверхностных раскопок хотя бы покрывавшей дно пещеры земли»[79]. Окончательный вывод, сделанный И. Я. Стеллецким после осмотра, был весьма важным: «Катакомбы служили каким-то особым, прикровенным целям, и мы не погрешим, если будем настаивать на мысли, что она служила именно местом тайных молитвенных собраний палестинских христиан в периоды гонений»[80].

Тивериада. Другим местом, где русские палестиноведы проводили свои изыскания в Святой Земле, была Тивериада. Большую исследовательскую деятельность осуществил здесь русский ученый М. Ростовцев, посетивший Тивериаду в начале 1900 годов. Он тщательно проанализировал результаты раскопок, проведенных на русском участке работниками Миссии. Здесь при расширении купленного для устройства подворья дома, находящегося на самом берегу озера недалеко от южной окраины города (у самой стены), были сделаны интересные находки, никем до сих пор не отмеченные и не описанные. К сожалению, при проведении раскопок работниками Миссии не было проявлено должного научного подхода к найденным им предметам древности.

По этому поводу М. Ростовцев с горечью писал: «Заведующий подворьем и постройкой послушник отец Иван (Иоанн), очень милый и смышленый человек, никакого представления об истории археологии и важности найденных им древностей не имеет (хотя к чести его надо сказать, что он все-таки без всяких указаний извне ни одного найденного остатка не погубил, а все их либо приспособил к постройке, либо сохранил). Поэтому, когда при расширении дома по направлению к озеру и

частичной застройке самого озера отец Иван (Иоанн) наткнулся на древние помещения и древние фундаменты, он, конечно, и не подумал о снятии плана найденного, об их фотографировании и зарисовке, а попросту воспользовался этими стенами для своей постройки. При таком положении дела составить точный план найденного сооружения теперь без долгой и кропотливой работы на месте и ряда дополнительных раскопок совершенно невозможно»[81].

Но, к счастью, М. Ростовцев смог воспользоваться дополнительными материалами для того, чтобы составить хотя бы приблизительное мнение о характере найденных здесь древних руин: «Свет на цель и назначение открытых стен и пяти продолговатых, крытых полуцилиндрическим сводом помещений, которые встроены отцом Иваном (Иоанном) в свою постройку, проливают, ввиду сказанного, не сами эти стены, а найденные здесь в массе архитектурные части сооружения. При работах на озере и около озера отец Иван (Иоанн) нашел сотни кусков стволов колонн из местного камня и целый ряд капителей разных размеров и разных типов. Большинство колонн он встроил в свои стены; капители, по его словам, все сохранил»[82].

И тем не менее М. Ростовцев, имея в своем распоряжении столь скудные данные, смог сделать глубокие научные выводы по поводу результатов совершенных раскопок, что составило бы честь любому палестиноведу с мировым именем. «Уже беглый осмотр делает более чем вероятным вывод, что найденные остатки принадлежат к набережной города, – писал М. Ростовцев. – Это подтверждается тем, что в связи с нашими остатками стоят довольно значительные остатки мола, которыми пользуется и теперь наше подворье, как пристанью для лодок. Набережная эта была, видимо, украшена портиками, может быть, в два этажа по всему ее протяжению. За этими портиками шли однородные помещения, пять из которых, как сказано, найдены были почти целыми, вероятно, лавки и склады, на что указывают и найденные мельницы. (Найден целый ряд частью полностью сохранившихся зерновых мельниц, приводившихся в движение людьми или животными)»[83].

Но М. Ростовцев не ограничился в своих рассуждениях теми фактами, которыми он располагал и на основании которых он построил свою гипотезу. Для обоснования своего предположения он обратился к древним письменным свидетельствам, но прежде чем оперировать ими отметил их чрезвычайную скудость: «Хотя нам о городе Тивериаде известно довольно много, главным образом из автобиографии Иосифа Флавия, и вообще благодаря интересу этого писателя к нашему городу, который сыграл в его жизни немалую роль; хотя нам известно кое-что и об его топографии и об его истории, тем не менее прямого указания на существование в этом городе порта, гавани и набережной я в известных мне источниках не встречал» – сообщает М. Ростовцев[84].

В связи с этим становится понятным, почему он был вынужден строить свои доказательства на косвенных указаниях, истолковывая их в пользу своей гипотезы с наибольшей убедительностью. «И тем не менее существование порта в городе, основанном Иродом Антипой, мне представляется почти несомненным, – рассуждал М. Ростовцев. – К этому ведет, во-первых, указание Иосифа Флавия на то, что значительную часть «черни» города составляли матросы (см.: И. Флавий. Жизнь. 12(66)), и его же частое упоминание озера как пути, по которому легко и удобно было проникнуть почти в самый центр города.

Обращу внимание еще и на то, что население Тивериады было по преимуществу торговым, причем вело торговлю не только внутреннюю, но, очевидно, отправляло продукты Галилеи и за море, специально в Рим, где у тивериадцев была своя большая

торговая контора... Такое центральное значение Тивериады в Палестине, приравнивание ее к таким городам как Тир, Тарс и др., почти немыслимо, если не предположить в этом городе существования хорошо защищенной гавани: Генисаретское (Тивериадское. – *Авт.*) озеро может быть очень и очень злым»[85].

Более трудным для русского исследователя был вопрос о том, возникли ли гавань и порт с молом сразу же после основания города, то есть выстроены ли они Иродом Антипой или позже. Ответ на это должно было дать более подробное изучение найденных в Тивериаде остатков. Но в этом случае, несмотря на смелость сделанных русским палестиноведом предположений, он проявил благоразумную осторожность и не стал делать категорических выводов. «Датировать эти остатки я пока не решился бы, – писал М. Ростовцев, – укажу, однако, что мое впечатление о принадлежности наших капителей эпохе Ирода подтвердили такие знатоки палестинской архитектуры, как Thiersch и Delbruck. Одно мне кажется несомненным: я не колеблясь могу отнести остатки колоннад к римскому времени, а не к более поздним эпохам – византийской и даже эпохе крестоносцев... Самая возможность этих выводов важна при том значении, которую имеет Тивериада для истории эллинистического градостроительства вообще, и для истории эллинистической Палестины в частности»[86].

Заключение. Повествуя о русских раскопках в Палестине, можно сделать вывод о том, что отечественные археологи не всегда шли по широкой и прямой дороге на своем исследовательском пути, не встречая особых затруднений в работе.

Так, в качестве иллюстрации к сказанному можно привести один эпизод, связанный со временем 1899–1903 годов, когда начальником Русской Духовной Миссии был архимандрит Александр (Головин). При нем была переписка с Синодом относительно участка в Силоаме под названием Хакурет Уль-Баядер, или Улие. Этот участок представлял ценность тем, что на нем в скале была высечена древняя еврейская гробница, которая потом была переоборудована в христианскую церковь. В церкви сохранилась часть древней штукатурки с краской на ней и сирианская надпись. Архимандриту Александру после оформления консулом документов на владение этим участком предписали из Синода принять в ведение эту пещеру и сохранять ее по возможности в нетронутом виде до тех пор, пока один из русских ученых-палестиноведов не изучит ее. Но, судя по архиву Миссии, такого изучения так и не было сделано[87].

С другой стороны, необходимо отметить широту исследований, проводившихся представителями русской науки в Палестине. Они не ограничивали себя рамками собственно библейской археологии, но, как это было показано выше, проводили раскопки, связанные с историей Древней Церкви, а также и с более поздней эпохой.

Еще одним свидетельством в пользу этого может послужить открытие, сделанное профессором Московского Лазаревского института М. О. Аттая. Посетив летом 1899 года гору Фавор, он нашел в православном монастыре Преображения три древние арабские надписи: одну – на мраморной плите, вделанной незадолго до этого в ограду, две другие – на таких же плитах (одна была расколота надвое), сложенных в качестве строительных материалов. Первая относилась к 607 году (1210 год по Р.Х.) и повествовала о сооружении на этом месте крепости султаном аль-Хадилем абу-Бекром (1196 и 1218 годы), две последние – к 611 и 612 годам (1214 и 1215 годы по Р.Х.), которые сообщали о постройке султаном аль-Му́аззамом, сыном аль-Хадиля, мечети в крепости. Важным в этих надписях было наименование ал-Му́аззама султаном еще при жизни отца, что являлось новым фактом, свидетельствовавшим о том, что ал-Му́аззам еще при жизни отца правил Сирией самостоятельно[88].

За полтора первых десятилетия XX века масштабы русских раскопок в Палестине продолжали увеличиваться. В связи с этим становилось очевидным, что Православному Палестинскому Обществу было уже не под силу, хотя бы по материальным соображениям, справиться с тремя большими и разнородными задачами: археологическими исследованиями, организацией новых школ для православного населения Сирии и Палестины, а также размещением и заботой о многочисленных паломниках из России. Поэтому в русских научных кругах была выдвинута идея о том, что было бы целесообразно оказать Палестинскому Обществу научную помощь со стороны археологических обществ и институтов. Речь шла о квалифицированном наблюдении за раскопками и научном их изучении. Это не могло быть поставлено в зависимость от случайных наездов мало знакомых с Палестиной археологов: поскольку открытия на русских участках делались постоянно, то должен был быть и постоянный представитель для научного за ними наблюдения. Были высказаны пожелания о том, что таким лицом мог быть один из секретарей Константинопольского Русского Археологического Института, специалист по палестиноведению и по христианской и библейской археологии. Его предполагалось наделить определенными полномочиями от Синода и Палестинского Общества, чтобы он был совершенно независим от местных представителей того и другого учреждения[89]. Поднимался вопрос и об организации специальной научной экспедиции в Святую Землю с целью археологических изысканий, что было бы новым крупным шагом на пути к практическому осуществлению высокой задачи археологии как науки общечеловеческой[90].

С началом Первой мировой войны, казалось бы, любые исторические разработки, и тем более археологические изыскания, должны были отойти в России на задний план. Но и в этой сложной обстановке русские ученые-палестиноведы старались наметить перспективы на будущее.

В этом отношении примечательны слова отечественного исследователя М. Р. Никольского, высказанные им в связи с новой политической ситуацией. «Для нашей науки в будущем могут широко раскрыться двери... во все те дорогие для науки и просвещённого человечества области, которые были местом древнейших культур, – писал М. Р. Никольский. – В виду этого и наша наука заранее должна уяснить себе те задачи, которые неотразимо предстанут перед ней после войны на всем Переднем (Ближнем. – *Ред.*) Востоке»[91].

Для многих русских ученых была очевидной необходимость расширения возможностей археологических экспедиций, ведущих свои изыскания в Святой Земле. Директор Русского Археологического Института в Константинополое Ф. И. Успенский высказал по поводу исследования палестинских памятников древности следующие соображения: «Целый ряд культурных слоев на почве Палестины оставлен разными жившими тут народами, поэтому раскопки приобретают в этой стране первостепенное в научном смысле значение, ибо результаты их могут иметь разнообразное применение. Нужно заботиться, чтобы за русскими учёными было признано право производить раскопки на всей территории Палестины и смежных областей»[92]. Как известно, к этому времени в Палестине успешно вели свои исследования такие научные организации, как немецкое Общество «Palastina-Verein», английский Фонд для исследования Палестины и ряд других западноевропейских и американских обществ.

Ф. И. Успенским был поставлен вопрос и о создании Русского Археологического Института в Иерусалиме, а также разработана научная программа, которой мог бы руководствоваться этот институт в случае его создания. Задачами такого института могло бы быть:

1) изучение исторических и художественных памятников Палестины и прилегающих областей, вообще всех культурных, исторических материалов – вещественных, письменных и языковых греко-римских, хананейских, арамейских, еврейских, христианских (как восточно-коптских, семитических, армянских, так и византийских и латинских) и мусульманских по подлежащим специальностям, как то: доисторической археологии, библейской археологии, христианской археологии, истории искусства, эпиграфике, агиографии и т. п.;

2) производство раскопок;

3) охрана памятников, принадлежащих институту;

4) составление музея и библиотеки;

5) собирание сведений, могущих облегчить изучение Палестины;

6) всяческое содействие членам ученых экспедиций, снаряженных различными русскими учреждениями и обществами со специальными научными целями по палестиноведению или смежным научным областям, а также отдельным лицам, имеющим командировки[93].

Очерк будет неполным, если не упомянуть о том вкладе в русскую науку о Древнем Востоке, который был внесен православными Духовными академиями по кафедре Ветхого Завета и Библейской археологии. Труды эти принадлежат в основном к области библиологии и имеют апологетический характер. К началу второго десятилетия нашего века русские читатели располагали почти полным кругом книг Ветхого Завета, составивших предмет диссертаций православных богословов, а также значительным количеством монографий, посвященных различным периодам истории Израиля или различным сторонам его политической и религиозной жизни, а также отношениям к соседним народам. Можно упомянуть труды профессора А. А. Олесницкого, протоиерея А. П. Рождественского, Д. В. Рождественского, П. Юнгерова, В. Попова, И. Т. Троицкого, Д. Н. Введенского, Ф. Елеонского, В. Рыбинского, С. А. Булатова и других. В 1916 году во всех русских православных Духовных академиях была учреждена особая кафедрв истории Древнего Востока[94].

...Проходили десятилетия, распадались империи, возникали новые государства, менялись отношения между странами, изменялось их влияние на Ближнем Востоке, но для библейских памятников, сокрытых в Святой Земле в течение тысячелетий, – это лишь исторический миг. Хочется верить, что придет то время, когда отечественные исследователи смогут восстановить свою работу в Палестине, поскольку по-прежнему остаются верными слова, сказанные еще в начале XX столетия: «Интересы археологической и исторической науки в Палестине велики и разнообразны, но для истории и археологии Переднего Востока значение Палестины прежде всего и главнее всего обусловливается именно тем, что она в течение свыше тысячи лет была той обетованной землей, на которой происходила жизнь древнего Израиля, а впоследствии сделалась и колыбелью христианства»[95].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Церен Э. Библейские холмы. М., 1966. С. 11.

[2] Гоголь Н. В. Сочинения. Т. VI. СПб., 1857. С. 477.

[3] Научные предприятия Палестинского Общества // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1884. Ч. 234, июль–август. С. 2–3. Автор не указан.

[4] Сообщения Православного Палестинского Общества (СППО). 1907. Т. 18. С. 445.

[5] Покровский Н. В. Раскопки на русском месте в Иерусалиме // Христианское чтение. 1886, март-апрель. С. 496.

[6] СППО. 1900. С. 160–161.

[7] Православный палестинский сборник (ППС). Вып. 7. С. 155.
[8] Покровский Н. В. Указ. соч. С. 492–493.
[9] СППО. 1901. С. 777.
[10] ППС. № 7. СПб., 1884. С. 31–32. Из письма архимандрита Антонина от 9 марта 1883 года.
[11] Там же. С. 36. Письмо архимандрита Антонина от 9 мая 1883 года.
[12] Там же. С. 1–2.
[13] Там же. С. 16.
[14] Полянский Е. Я. Причины сравнительно позднего начала систематических археологических раскопок в Палестине. Казань, 1915. С. 45. (Оттиск из «Православного собеседника» за 1915 год. № 11–12).
[15] Греков Ф. (Палеолог). Места страданий, смерти и Воскресения Спасителя: Исторический очерк. СПб., 1892. С. 20–21.
[16] Там же. С. 41.
[17] ППС. Вып. 1. Т. III. СПб., 1887. Приложение V. С. 187–201.
[18] Цит. по: Научные предприятия Палестинского Общества // ЖМНП. 1884. Ч. 234, июль-август. С. 4.
[19] Греков Ф. (Палеолог). Императорское Православное Палестинское Общество: Очерк его деятельности за 1882–1890 годы. СПб., 1891. С. 39.
[20] Хитрово В. Н. Научное значение раскопок, произведенных Православным Палестинским Обществом на русском месте близ храма Господня в Иерусалиме. СПб., 1885. С. 42.
[21] Православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. СПб., 1913. Статья «Палестина». С. 1746.
[22] Хитрово В. Н. Раскопки на русском месте близ храма Воскресенья. ППС, № 7. СПб., 1884. С. 71.
[23] Там же. С. 73.
[24] Цит. по: Кондаков Н. П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. С. 149–150.
[25] Научные предприятия Палестинского Общества // ЖМНП. 1884. Ч. 234. С. 9.
[26] Там же.
[27] Доклад В. Н. Хитрово // Там же. С. 11.
[28] Мансуров Б. П. Русские раскопки в Святом Граде Иерусалиме перед судом Русского Археологического Общества. Вып. 1. Рига. С. 11.
[29] Покровский Н. В. Раскопки на русском месте в Иерусалиме // Христианское чтение. 1886, март-апрель. С. 512.
[30] Хитрово В. Н. Научное значение раскопок... С. 43–44.
[31] ППС. Вып.7. СПб. 1887. Приложение V. С. 166–167.
[32] Сообщения отца архимандрита Антонина // ППС. Вып.7. СПб. 1884. С. 28.
[33] ППС. Т. III. Вып.1. СПб. 1887. Приложение V. С. 158.
[34] Там же. С. 63.
[35] Там же. С. 179–180.
[36] Там же. С. 164.
[37] Там же. С. 255–256.
[38] Олесницкий А. А., профессор. Судьбы древних памятников Святой Земли // Труды КДА. 1875. Ноябрь. С. 20.
[39] Известия Русского Археологического Института в Константинополе (РАИК). № 1. 1896. С. 24.
[40] Сообщения Православного Палестинского Общества (СППО). 1907. Т. 18. С. 447.
[41] Кондаков Н. П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. С. 137.
[42] Известия РАИК. № 2. 1897. С. 37.
[43] Там же. С. 34.
[44] Кондаков Н. П. Указ. соч. С. 138.
[45] Ростовцев М. Русская археология в Палестине. «Христианский Восток». Т. 1. Вып. III. СПб. 1912. С. 263.
[46] Там же.
[47] СППО. 1904. С. 130.
[48] СППО. 1887. С. 181–182.
[49] СППО. 1892. С. 355–356.
[50] СППО. 1895. С. 95.
[51] Там же. С. 97.

[52] СППО. 1904. С. 131–132.
[53] Самый отпечаток архимандрит Антонин подарил Пападопуло-Керамевсу, и тот напечатал эту надпись в ее настоящем виде в «Византийском временнике». Т. 1. С. 133–135.
[54] СППО. 1895. С. 97–98.
[55] Дмитриевский А. А. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) как деятель на пользу Православия на Востоке и, в частности, в Палестине // СППО. 1904. С. 126.
[56] Известия РАИК. 1896. № 1. С. 23.
[57] СППО. 1904. С. 145.
[58] Известия РАИК. 1896. № 1. С. 23–24.
[59] Копия бюста Ирода хранится в Церковноархеологическом кабинете МДА.
[60] Никодим (Ротов), митрополит. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Богословские труды. № 20. 1979. С. 53.
[61] Ростовцев М. Указ. соч. С. 257.
[62] Там же.
[63] Известия РАИК. 1902. С. 81.
[64] Павловский А. А. и Клуге Н. К. Мадеба // Известия РАИК. 1902. № 8. С. 82.
[65] Там же.
[66] Сообщение А. Соломяка о вновь открытой мозаике в Иерусалиме // Известия РАИК. 1907. Т. VI. С. 482.
[67] Там же. С. 482–483.
[68] Там же. С. 483–484.
[69] Там же. С. 485.
[70] СППО. 1901. Т. 12. С. 362.
[71] «Силоамский монолит, называемый местным преданием «гробницей жены царя Соломона, египтянки», замечательнейшие древнееврейские гробницы, известные под именем гробниц Румание или Ессение, может быть, принадлежавшие благочестивому царю Иосии, так называемые гробы пророческие в Иерусалиме, тивериадские источники и другие достопримечательные места в Палестине приобретены трудами архимандрита Антонина на средства, добытые им путем пожертвований русскими людьми» (СППО. 1904. С. 141).
[72] СППО. 1901. Т. 12. С. 367.
[73] Стеллецкий И. Я. Мадебская карта-мозаика Палестины в связи с вопросом о новой (русской) горней Бет-Захари. М., 1909. С. 37.
[74] Там же.
[75] Там же. С. 42.
[76] Там же. С. 42–43.
[77] Там же. С. 43.
[78] Там же. С. 44.
[79] Там же. С. 45.
[80] Там же.
[81] Ростовцев М. Русская археология в Палестине // Христианский Восток. Т. 1. Вып. II. СПб., 1912. С. 259.
[82] Там же.
[83] Там же. С. 260.
[84] Там же. С. 260–261.
[85] Там же. С. 261.
[86] Там же. С. 262.
[87] Никодим (Ротов), митрополит. Указ. соч. С. 53.
[88] СППО. 1901. Т. 12. С. 97.
[89] Ростовцев М. Указ. соч. С. 265–266.
[90] Стеллецкий И. Я. Цит. соч. С. 48.
[91] Никольский М. Р. Задачи русской археологической науки в Палестине и Месопотамии в связи с современными мировыми событиями. М., 1915. С. 2.
[92] Цит. по: Ковалевский Е. П. Русские научные интересы в Палестине и прилегающих областях. Пг., 1915. С. 6.
[93] Там же. С. 12.
[94] Тураев Б. А. Русская наука о древнем Востоке до 1917 года. Л., 1927. С. 16.
[95] Никольский М. Р. Указ. соч. С. 4.